Двадцать-четыре дверцы

Люси Хейвен

Люси Хейвен
Двадцать четыре дверцы

https://litres.ru/74901879
SelfPub; 2026

Аннотация

Рождество отменяется.

9-ти летняя Джун Финч решила это сама, где-то на шоссе. Новый дом, новый город, новая школа, где её никто не знает. А папин грузовой корабль застрял по ту сторону океана.

Но за панелью в её комнате на чердаке обнаруживается старый деревянный домик с двадцатью четырьмя дверцами. Из жёлтого письма разворачивается бумажный лис Шуршик и важно объявляет, что он вовсе не поделка. Он — корреспонденция.

Правила вырезаны на крышке: ничего не бери, а отдавай. Подарок, который нельзя купить ни в одном магазине ни за какие деньги. По одному на каждую дверцу. И нельзя врать. Выполнишь все до колокола в сочельник — получишь то, о чём мечтает сердце.

Каждый вечер — новая дверца и новая записка. Некоторые задания просты. Другие почти невыполнимы. Вместе с младшим братом Отто и бумажным лисом Джун узнаёт соседей Пеннивика, и тайну собственного дома.

Тёплая, смешная, чуть волшебная рождественская книга для чтения вслух: одна глава на каждый вечер с 1 по 24 декабря.

Содержание

Как читать эту книгу	5
Первая дверца	6
Вторая дверца	18
Третья дверца	26
Четвёртая дверца	34
Пятая дверца	42
Шестая дверца	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Люси Хейвен
Двадцать четыре дверцы

Как читать эту книгу

В этой истории двадцать четыре главы — по одной на каждый вечер с первого по двадцать четвёртое декабря, до рождественского сочельника. В Англии, где живёт Джун, героиня этой книги, эти недели ожидания Рождества называют Адвентом.

Читайте по одной главе каждый вечер — так же, как Джун каждый день открывает одну дверцу своего календаря. Большинство глав можно прочитать вслух минут за десять, первая и последняя — подлиннее. А самая последняя часть, «Что было дальше», происходит рождественским утром — её можно оставить на сам праздник, 25 декабря.

В самом конце книги вас ждут двадцать четыре подарка — таких, которые не купишь ни в одном магазине и ни за какие деньги. Прочитав главу, найдите в конце подарок с тем же номером. Только не подглядывайте вперёд!

А если пропустили вечер — не беда: на следующий день прочитайте две главы.

Первая дверца

1 декабря

Рождество отменялось.

Джун Финч решила это где-то на шоссе, между третьей заправкой и девятым разом, когда младший брат спросил, скоро ли они приедут. Она достала блокнот и открыла страницу под заголовком СПИСОК НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ВЕЩЕЙ. Под номером одиннадцать там значилось: *Уехать от Прии, которая моя лучшая подруга с самого рождения, ну почти.* Под номером двенадцать: *Папин корабль. Целиком и полностью.* А ниже она написала:

13. Рождество. Отменено. Мной.

Она подчеркнула это два раза, чтобы было официально.

— Что ты пишешь? — спросил Отто.

Отто было пять. На нём была его шапка-динозавр — зелёная, с мягкими фетровыми шипами по всей спине, — и он не снимал её с августа, даже в ванне.

— Ничего, — сказала Джун.

— Это список?

— Нет.

— Похоже на список.

— Это личный список.

Отто долго обдумывал это. «А я в нём есть?»

— Пока нет, — сказала Джун.

Пеннивик был на самом краю всего на свете. Шоссе пре-

вратилось в дорогу, дорога — в узкий просёлок, а просёлок, извиваясь, сполз с холма между каменными оградами и у самого моря сдался окончательно. Там была гавань с шестью лодками, церковь с приземистой серой башней, рядок магазинчиков и маяк на скалах — он не горел, и похоже было, что не горел уже очень-очень давно.

— Правда, прелесть? — сказала мама, когда они, подпрыгивая на ухабах, катили по Чаячьему переулку следом за фургоном с вещами.

— Серо, — сказала Джун.

— Зато с характером.

— Плесень тоже с характером.

Мама засмеялась, и это было обидно, потому что Джун вовсе не шутила.

Дом номер один по Чаячьему переулку был высокий и узкий, будто его сплющили между двумя книгами. Труба у него была кривая. Окна — в разводах от старых дождей. Он был серый весь целиком — серый камень, серая черепица, серые подоконники, — и, как потом выяснилось, в Пеннивике его так и звали: Серый дом. По соседству, в доме номер два, все до единой занавески были плотно задёрнуты, и, пока грузчики заносили диван, одна из этих занавесок дёрнулась, и резкий голос крикнул:

— Изгородь мне не поломайте!

Грузчики изгородь не поломали. Никто так и не увидел, кто это крикнул. Занавеска замерла.

— Кто это был? — прошептал Отто.

— Ведьма, — сказала Джун. — Наверное.

— Джуни, — строго сказала мама. Но она тоже покосилась на занавески дома номер два — и не сказала, что Джун не права.

Стемнело уже к четырём. Ужинали рыбой с картошкой фри прямо из бумажного кулька, сидя на коробках, потому что кухонный стол был где-то под всеми остальными коробками. На середине ужина у мамы зажужжал телефон, и Отто заорал «ПАПА!» так громко, что у него изо рта вылетела картошка.

На экране появилось папино лицо — серое и дёрганое, как всегда, когда он звонил с корабля. За ним виднелось круглое окошко и очень много очень тёмного моря.

— А вот и вы! Ну как новый дом?

— Серый, — сказала Джун.

— Зато с характером, — сказала мама.

— А у меня картошка, — сказал Отто и показал.

Папа рассмеялся. Потом картинка застыла — папа так и остался с широко открытым ртом, — а когда она отмерла, он был уже на середине фразы: «…к середине января, обещаю, в ту же минуту, как причалим. И тогда у нас будет Рождество. Наше собственное. Позднее, но настоящее. Договорились, Жучок?»

Джун смотрела на чёрное море у него за спиной. Корабль

назывался *«Моёвка»* — так называют маленькую морскую чайку. Он вёз огромные железные контейнеры из самой Канады в Голландию и Германию, там его разгрузят и снова загрузят доверху, и до Британии он доберётся только четырнадцатого января, и никто на всём белом свете ничего не может с этим поделать. Мама всё объяснила, и папа всё объяснил, и Джун прекрасно всё поняла.

Только от того, что она всё поняла, не было ни капельки легче.

— Договорились, — сказала она.

Картинка снова застыла. А когда отмерла, папы уже не было.

Комната Джун была на самом верху, на чердаке. Потолок там был скошенный — выпрямиться во весь рост получалось только посередине, — а круглое окно, как иллюминатор на корабле, смотрело поверх крыш на чёрное море и тёмный маяк.

— Вот тебе повезло! — сказала мама, плюхнув на пол коробку с надписью ДЖУН – КНИГИ – ТЯЖЁЛОЕ!!! — Я в твоём возрасте всегда мечтала о такой комнате.

— Можешь забрать её себе.

Мама села на голый матрас и похлопала рядом с собой. Джун не села. Помолчав, мама вздохнула, поцеловала Джун в макушку и ушла вниз искать пижаму Отто.

Джун слушала ветер. Ветер был большой, морской; он тол-

кался в круглое окно и свистел в щелях между половицами. Особенно громко он свистел в одном месте: внизу на стене, там, куда потом поставят её кровать, — там, где чуть криво сидела деревянная панель.

Джун встала на колени. Надавила на панель. Та зашаталась. Джун подцепила край пальцами и потянула — и панель отошла в облаке пыли, от которого Джун три раза чихнула.

За ней, в нише в стене, стоял дом.

Маленький деревянный домик, размером с обувную коробку, с нарисованным снегом на крыше и крошечной трубой наверху. По всему фасаду, и по бокам, и даже сзади были дверцы: крошечные деревянные дверцы, каждая не больше почтовой марки, и на каждой — маленький медный номер. Джун их пересчитала.

Их было двадцать четыре.

— Адвент-календарь, — сказала она вслух.

Он был очень старый. Краска выцвела, а медные номера по краям позеленели. Джун вынула его осторожно, потому что казалось, что такая вещь может рассыпаться на кусочки, и внутри что-то зашуршало. Крыша оказалась крышкой. Джун её подняла.

Внутри, совсем один, лежал лис.

Он был сделан из бумаги — старой бумаги, жёлтой и мягкой, сложенной в маленького лиса с острыми ушами и длинным хвостом, обёрнутым вокруг лап. По нему бежали выцветшие строчки, написанные от руки, — по спине и вниз по

лапам, — но слова разломались на сгибах, и Джун не могла их прочесть.

А на внутренней стороне крышки, процарапанное в дереве старательными, неровными заглавными буквами, было стихотворение.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ДВЕРЦЫ — ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ДНЯ.
НИЧЕГО НЕ БЕРИ — ОТДАВАЙ ОТ СЕБЯ:
ДАР, ЧТО ЗА ДЕНЬГИ НИГДЕ НЕ КУПИТЬ,
ОДИН ЗА ДВЕРЦУ — И НЕ ЛГАТЬ, НЕ ХИТРИТЬ.
УСПЕЙ ДО КОЛОКОЛА В СОЧЕЛЬНИК, В НОЧИ, —
И ЖЕЛАНИЕ СЕРДЦА В ПОДАРОК ПОЛУЧИ.

Джун прочитала его два раза. Потом посадила бумажного лиса на подоконник, поставила рядом календарь и очень твёрдо сказала себе, что ей девять лет, почти десять, и она давно выросла из адвент-календарей, особенно из таких, где даже шоколадок нет.

А потом всё равно открыла дверцу номер один.

Дверца поддавалась туго. Пришлось подцепить её ногтем. Внутри, там, где полагалось быть шоколадке, лежал крошечный бумажный свиточек, перевязанный ниткой. Джун развернула его. Мелкими, аккуратными, старомодными заглавными буквами там было написано:

ПОДАРИ ИМЯ.

— Подарить имя — *кому*? — сказала Джун.

— Мадам, — произнёс чей-то голос, — не будете ли вы

так любезны не дышать на меня? Это чрезвычайно сыро.

Джун выронила записку.

Бумажный лис сидел. Он потянулся — сначала передними лапами, потом задними, — и каждая его частичка тихонько захрустела, словно кто-то очень-очень медленно разворачивал подарок. Он встряхнул ушами. И посмотрел на неё двумя маленькими сложенными глазками.

— Ты живой, — сказала Джун.

— По всей видимости, — сказал лис, разглядывая свою лапу. — Поразительно. Не припомню, чтобы я раньше был живым. Я, собственно, вообще ничего не помню из того, что было раньше. — Он огляделся. — Это мой дом?

— Это мой дом. Ну, то есть мамин. Ну, вообще-то, мама говорит, на самом деле он принадлежит банку. — Джун плюхнулась на пол. — Ты *кто* такой?

Лис выпрямился во весь рост — а рост у него был примерно с банку варенья.

— Я не мусор, если вы об этом подумали. Я — *корреспонденция*.

— А что такое корреспонденция?

— Письма, мадам. Написанное. То, что один человек говорит другому. — Он нахмурился, и весь лоб у него пошёл складочками. — Хотя кто меня сказал и кому, этого я вам сообщить не могу. Всё сложено. — Он покосился на записочку на полу. — «Подари имя». Что ж. Это явно обо мне. Мне его ещё никто никогда не дарил.

— Я должна тебя *назвать*?

— Похоже на то. Уж постарайтесь. А я постараюсь не разочароваться.

Джун задумалась.

— Лисичка?

— Ни в коем случае.

— Бумажка?

— А *вам* понравилось бы, если бы вас звали Кожа?

— Оригами?

— Я вам, — сказал лис, — не поделка.

Он так обиделся, что весь зашуршал и смялся по краям, и звук получился точь-в-точь как у фантика в кармане куртки: маленький, сердитый, шуршащий звук.

— Шуршик, — сказала Джун.

Лис перестал шуршать. Он склонил голову набок.

— Шуршик, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Шуршик. Хм. — Он покрутился на месте, как кошка, перед тем как улечься. — Сойдёт. Пожалуй.

Но кончики ушей у него чуточку порозовели, и Джун поняла, что он доволен.

На лестнице послышались шаги. «Джун! Через десять минут гасим свет!»

Шуршик сделался плоским. Не просто неподвижным, а *плоским* — плоским, как письмо в конверте. Когда мама заглянула в дверь, она увидела только Джун, которая сидела

на полу рядом со старым деревянным ящичком и клочком жёлтой бумаги.

— Смотри-ка, — сказала мама. — Чей-то старый адвент-календарь. Только не привязывайся к нему, солнышко, в нём наверняка завёлся жучок-древоточец. — Она взяла бумажного лиса, повертела его и положила обратно на подоконник. — И не оставляй мусор на подоконнике. Десять минут.

Когда она ушла, Шуршик очень медленно сел.

— *Мусор*, — сказал он.

— Она тебя не видит, — сказала Джун. — По-настоящему не видит.

— Взрослые никогда не видят, — сказал Шуршик. — Не знаю, откуда мне это известно, но это так. Это одна из их великих трагедий. — Он шмыгнул носом. — Итак. Стихотворение.

— А что с ним?

— Это не стихотворение, мадам. Это правила. — Он запрыгнул на крышку календаря и постучал бумажной лапкой по процарапанным буквам. — Двадцать четыре дверцы. Каждый день — по одному подарку, такому, который нельзя купить. Успеете все двадцать четыре до полуночного колокола в сочельник — и календарь подарит вам желание сердца.

— Любое желание?

— *То самое* желание. То, за которое вы отдали бы всё на

свете. — Шуршик искоса взглянул на неё. — У вас такое есть?

Джун не ответила. Она смотрела в круглое окно — мимо крыш и тёмного маяка, на море. Море тянулось всё дальше и дальше, пока не становилось так темно, что ничего не разглядишь, и где-то на другой его стороне был корабль под названием *«Моёвка»*.

— Я хочу, чтобы папа вернулся домой, — прошептала она. — На Рождество. На настоящее Рождество. Не на позднее.

Ветер перестал свистеть — всего на мгновение, будто прислушался.

Потом Джун достала блокнот, открыла СПИСОК НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ВЕЩЕЙ и нашла номер тринадцать. После *Рождество. Отменено. Мной.* она приписала совсем маленькими буквами:

(Если только…)

Утром дверца номер один всё ещё была открыта. А внутри, там, где лежала записочка, сидел крошечный резной деревянный лис, раскрашенный рыжим и белым, — не больше ноготка на мизинце у Джун.

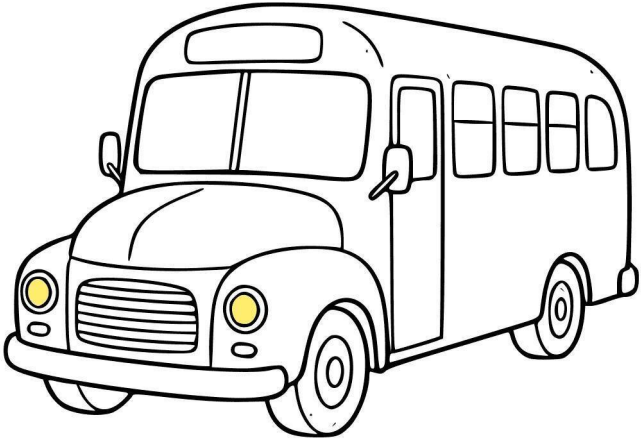
Он улыбался.

Шуршик долго на него смотрел.

— Что ж, — сказал он наконец и откашлялся. — Одна готова. Осталось двадцать три.

Вторая дверца

2 декабря



Вторая дверца открылась легче первой, словно её уже ждала. В записке внутри было написано:

ПОДАРИ СПАСИБО ТОМУ, КОГО НИКТО НЕ БЛАГОДАРИТ.

— Проще простого, — сказала Джун, натягивая школьный джемпер. Это был её старый школьный джемпер, из Лондона, и он был не того цвета. Сегодня вообще всё будет не того цвета. — Скажу маме спасибо за завтрак.

— Вашу маму, — сказал Шуршик с подоконника, — благодарят каждый день.

— Не благодарят. Отто ей никогда спасибо не говорит. Он только говорит «ещё».

— Её благодарят, — сказал Шуршик, — тем, что ваш брат съедает тост. С мамами всё так и устроено. Нет. Тому, кого *никто* не благодарит. Тому, мимо кого весь мир проходит, не глядя. — Он встал и отряхнулся. — Я пойду с вами — прослежу, чтобы всё было сделано как следует.

— Тебе нельзя в школу!

— Можно, если я поеду у вас в кармане. Я превосходно умею быть плоским. — Он помолчал. — Только чтобы в кармане не было бумажных платочков. На этом я настаиваю. Я слышал о бумажных платочках ужасные вещи.

Школьный автобус назывался «семёрка». Он был старше

мамы. Окна в нём дребезжали, печка пахла подгоревшим тостом, а в гору из Пеннивика он полз со стонами, будто каждый поворот был для него личным оскорблением.

Впереди, за большим плоским рулём, сидел водитель. Он был огромный. Вязаная шапка натянута на самые брови, борода — как сугроб, а над лобовым стеклом висела табличка, такая выцветшая, что и не прочтёшь: СЕГОДНЯ ВАС ВЕЗЁТ: Б. БРЭМ.

Мистер Брэм не сказал «доброе утро». Он вообще ничего не сказал. Он просто с шипением открыл двери и стал ждать.

Дети толпой лезли мимо него, даже не глядя. Чей-то рюкзак стукнул его по локтю. Кто-то прилепил жвачку ему на зеркало. Никто не поздоровался.

— О, девчонка из Серого дома! — крикнул кто-то сзади.

Джун подняла глаза. На заднем сиденье развалился высокий мальчишка с лохматыми каштановыми волосами. Куртка была ему мала: запястья торчали из рукавов, как у огородного пугала. Несколько ребят захихикали. Новости в Пеннивике, поняла Джун, разлетаются быстрее «семёрки».

Она села рядом с Отто, впереди, и уставилась в окно на серое море, пока не защипало глаза.

— Кто это? — прошептал Отто.

— Никто, — сказала Джун.

У неё в кармане шуршнул Шуршик — и ничего не сказал, а это было почему-то ещё хуже.

В школе тоже всё было не того цвета.

Новую учительницу звали мисс Ларк; она носила серёжки в виде птичек-тупиков и была милая — такая бодрая, хлопотливая, как-хорошо-что-ты-с-нами. Она вызвала Джун к доске и велела рассказать о себе три вещи.

— Я Джун, — сказала Джун. — Я из Лондона. Мне девять.

— У-у-у, *из Ло-ондона*, — протянул кто-то дурацким голосом, и кто-то другой засмеялся.

За обедом Джун сидела с краю длинного стола одна, а Отто ел с малышами на другом конце зала. Вокруг все болтали о том, чего она не знала: про учителя по имени мистер Какего-там, про пса по кличке Печенька, про праздник, на который её не позвали.

— Повариха, — шепнул Шуршик из кармана. — Поварих никто не благодарит.

— Поварих благодарят все, — буркнула Джун. — Нас *заставляют*.

Только на Джун никто и не смотрел. Ни повариха, ни сторож, ни другие дети. Может, это *она* — тот самый человек, которого никто не благодарит? Может, ей поблагодарить саму себя? Что-то подсказывало ей, что это не считается.

По дороге домой она наблюдала.

Она видела, как мистер Брэм ждёт у школьных ворот маленького мальчика с коробкой для обеда, который бежал, бежал и всё никак не мог догнать автобус. Видела, как он сбро-

сил скорость почти до нуля — старый автобус только рокотал, — чтобы пропустить через дорогу грязную собаку. Видела, как он спускается с крутого холма в Пеннивик так бережно, что ни у кого не опрокинулась ни одна бутылка с водой, хотя на дороге был лёд, а автобус был тяжёлый, как кит.

И она видела, что он делает на каждой остановке. Когда кто-нибудь из детей выходил, мистер Брэм поворачивал свою огромную бороду к большому зеркалу и смотрел ему вслед — пока тот переходил дорогу, до самой другой стороны. И только тогда ехал дальше.

Никто этого не замечал. Никто, кроме Джун.

И спасибо тоже никто не говорил. Дети выпрыгивали, перекрикивались и бежали домой пить чай. Высокий мальчишка в куртке не по росту вышел на остановке у гавани, держа за руку маленькую девочку в розовой шапке с помпоном, и ни разу не оглянулся.

Чаячий переулок был самой последней остановкой. Когда они туда доехали, в автобусе остались только Джун и Отто.

Отто спрыгнул со ступенек. Джун — нет.

Она стояла впереди, у большого руля, и сердце у неё бухало: бух, бух, бух. Мистер Брэм посмотрел на неё. Вблизи глаза у него оказались маленькие, светлые и удивлённые, как у тюленя.

— Спасибо, — сказала Джун.

Мистер Брэм не шелохнулся.

— За то, что вы так осторожно водите, — очень быстро

сказала Джун, пока не растеряла всю смелость. — На холме. Когда лёд. И за то, что подождали того мальчика с коробкой для обеда. И что смотрите, как мы все переходим дорогу. Я видела. Вы так каждый раз делали.

Повисло долгое молчание. Где-то снаружи засмеялась чайка. Отто внизу у ступенек сказал: «Джун, *ну пошли*, мне на шапку снег падает».

Мистер Брэм откашлялся. Звук был такой, будто завели мотор, который не заводили много лет.

— Тридцать один год, — сказал он.

Джун ждала.

— Тридцать один год я вожу этот автобус. — Он посмотрел сквозь лобовое стекло на темнеющий переулок. — И никто ни разу такого не говорил.

Больше он тогда ничего не сказал. Но когда Джун спускалась по ступенькам, он проговорил своим ржавым голосом: «Осторожно, лёд, юная леди». И автобус не трогался с места, пока они с Отто не зашли в свою калитку.

— Молодец, — тихо сказал Шуршик из кармана.

Джун поняла, что уже не так сильно чувствует себя не того цвета.

Утром за дверцей номер два оказался крошечный деревянный человечек в вязаной шапке и с бородой как сугроб.

Джун поднесла его к свету из круглого окна. Потом нахмурилась. «Шуршик. Посмотри, что у него в руке».

В крошечной деревянной руке мистера Брэма был крошечный деревянный фонарь.

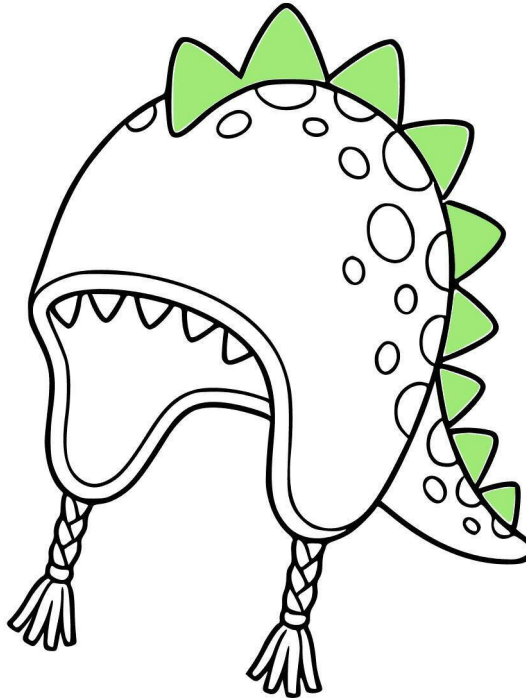
— Зачем водителю автобуса фонарь? — сказала Джун.

Шуршик долго смотрел на него, склонив голову набок.

— Не знаю, — сказал он. — Но не думаю, что календарь кладёт что-нибудь просто так.

Третья дверца

3 декабря



Отто просыпался в шесть утра. Каждый день. Так было с тех пор, как он был младенцем. Неважно, учебный это день, или суббота, или Рождество, или конец света: в шесть часов глаза у Отто распахивались, как у куклы, и он отправлялся искать, с кем бы поговорить.

Третьего декабря этим кем-то оказалась Джун. Вернее, если уж совсем точно, этим кем-то оказался Шуршик, который делал утреннюю зарядку на чердачном подоконнике, по очереди вытягивая бумажные лапы.

Отто стоял в дверях в пижаме и шапке-динозавре и таращился.

— Привет, лис, — сказал он.

— Силы небесные! — сказал Шуршик и свалился с подоконника.

Джун так резко села в кровати, что стукнулась головой о скошенный потолок.

— Отто! Ты что тут делаешь?

— Он разговаривает, — сказал Отто. Удивлённым он не выглядел. Когда тебе пять, говорящий лис — это интересно, но не поразительно: поразительного вокруг и так полным-полно. — Можно, он будет мой?

— Нет!

— Я, — произнёс Шуршик, с огромным достоинством карабкаясь обратно по занавеске, — не *домашний питомец*.

— А *чуть-чуть* он может побыть мой?

— Отто, послушай меня. — Джун выбралась из кровати. — Ты ничего не видел. Это просто бумажка. Тебе приснилось.

Отто посмотрел на Шуршика. Шуршик посмотрел на Отто. Потом вздохнул — длинным бумажным вздохом — и показал лапой на календарь.

Дверца номер три открылась сама собой. В записочке внутри было написано:

ПОДАРИ ТАЙНУ.

— Нет, — сказала Джун. — Нет-нет-нет. Так нечестно. Он уже *узнал*. Это не считается.

— Узнать самому, — сказал Шуршик, — совсем не то же самое, что услышать от кого-то.

Беда с Отто, думала Джун весь завтрак, в том, что он не умеет хранить секреты — хоть режь.

Когда Джун исполнилось восемь, он выболтал ей всё про торт-сюрприз — за пять минут *до* сюрприза. Он сообщил всей очереди в булочной, сколько маме лет. Он рассказал тёте в поезде, что папа храпит, как морж, — и это, конечно, была правда, но всё-таки.

А теперь он знал про Шуршика.

— А мистер Лис ест кукурузные хлопья? — спросил он за завтраком с набитым ртом.

— *Отто*, — прошипела Джун.

— Какой лис? — спросила мама, которая искала ключи от машины, больничный пропуск и вторую туфлю — всё одновременно.

— Никакой, — сказала Джун. — Он имеет в виду… лиса из сна. Ему сон приснился.

— Как мило, — сказала мама, нашла туфлю в холодильнике и даже не спросила, как она туда попала.

В первой половине недели у мамы были поздние смены, поэтому после школы они ходили к миссис Покет.

Миссис Покет жила через переулок, в доме номер пять. Она была маленькая, круглая и мягкая, как диванная подушка, которая научилась вязать, и очень добрая; она напоила их горячим морсом и выставила целую тарелку печенья. Потом уселась в кресло перед телевизором, взяла вязанье и через десять минут уже крепко спала, тихонько посапывая, как чайник, который вот-вот закипит.

Отто прошагал прямо к ней, придвинул своё лицо к её лицу и очень громко объявил:

— У нас НЕТУ волшебного лиса.

— Как славно, милый, — пробормотала миссис Покет, не открывая глаз.

Джун уронила голову на руки.

— Видишь? — сказал Отто, ужасно довольный собой. — Я не рассказал.

Весь остаток дня Отто никому не рассказывал про Шур-

шика самым заметным способом на свете. Он пытался накормить Шуршика хлопьями («Я не *ем*, я — *канцелярская принадлежность*»). Он устроил Шуршику постель в своём носке («Его *носили*!»). Он надел на Шуршика свою шапку-динозавра, и Шуршик целиком в ней пропал, и барахтался там, и глухо кричал: «*Извольте меня отпустить!*» — а Отто так хохотал, что начал икать.

Джун смотрела на них и думала о записке.

Подари тайну.

Дело было не только в том, что Отто увидел Шуршика. *Увидеть* что-нибудь может кто угодно. Подарить тайну — значит отдать её целиком: календарь, правила, желание. Значит доверить кому-то бережно её хранить. Значит дать кому-то возможность её выдать.

— А почему это вообще подарок? — шёпотом спросила она у Шуршика, когда Отто отправился за добавкой печенья. — Тайна — это же просто… что-то, что ты знаешь.

Шуршик выбрался из динозавровой шапки и расправил уши.

— Тайна, — сказал он, — единственный подарок на свете, который можно отдать и в то же время оставить себе.

В тот вечер, когда миссис Покет проводила их домой, а маминой машины всё ещё не было, Джун отвела Отто наверх, на чердак, и усадила на край своей кровати.

— Я расскажу тебе тайну, — сказала она. — Настоящую.

Всю целиком. Но ты должен слушать как следует и должен её хранить. Понимаешь?

Отто кивнул, и шипы кивнули вместе с ним.

И она рассказала. Рассказала про панель в стене, и про календарь с двадцатью четырьмя дверцами, и про правила, процарапанные на крышке. Рассказала про мистера Брэма и крошечного деревянного человечка с фонарём. А потом набрала побольше воздуха и рассказала про желание.

Она думала, что он засмеётся. Думала, скажет, что это глупости. Но Отто вдруг притих — с ним такое почти никогда не случалось — и натянул шапку-динозавра на уши.

— Я тоже так загадываю, — сказал он. — Каждый вечер. Я загадываю Рексу.

Рекс был его игрушечный динозавр. Синий, одноглазый, он уже два раза лежал в больнице — ему пришивали хвост.

— Только Рекс не волшебный, — сказал Отто. — Рекс просто динозавр.

Джун не знала, что на это ответить, и вместо ответа обняла его.

— А мне можно помогать? — спросил Отто куда-то ей в джемпер.

— Можно. Но это тайна. Никому нельзя рассказывать. Ни маме, ни миссис Покет, ни мистеру Брэму. Ни тётеньке в поезде.

Отто сел прямо, очень серьёзный.

— Это правило?

— Это правило.

Он торжественно приложил ладошку к сердцу — честное-пречестное. Потом, для верности, приложил ладошку и к сердцу своей шапки-динозавра. Потом посмотрел на Шуршика, на календарь и на Джун.

— Если загадывают двое, — сказал он, — это сильнее, чем один.

Джун открыла рот, чтобы поспорить, и поняла, что спорить не хочет.

Много позже, когда мама уже вернулась и на цыпочках поднялась наверх поцеловать их обоих на ночь, Джун лежала в темноте без сна. На подоконнике спал Шуршик, свернувшись клубочком, нос к хвосту, и его бумажные бока тихонько поднимались и опускались, поднимались и опускались.

Он разговаривал во сне.

— Не плачь, — бормотал он. — Пожалуйста, не плачь. Он вернётся домой. Он вернётся, вот увидишь.

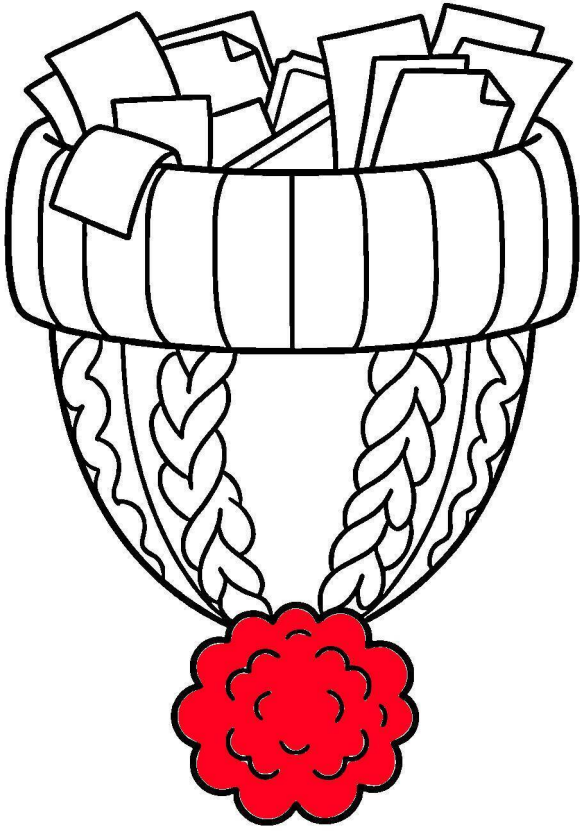
Джун села. «Шуршик? Кто вернётся?»

Но Шуршик только перевернулся на другой бок, зашуршал и больше ничего не сказал.

А утром за дверцей номер три оказался крошечный деревянный мальчик в зелёной шапке-динозавре, прижавший палец к губам.

Четвёртая дверца

4 декабря



— Сегодня, — сказала мисс Ларк, качнув серёжками-тупиками, — мы распределяем роли в рождественском спектакле!

Весь класс выпрямился. Даже мальчик на задней парте, который обычно спал, — и тот выпрямился.

Мисс Ларк написала на доске название большими зелёными буквами: РОЖДЕСТВО СМОТРИТЕЛЯ МАЯКА.

— Я сама его написала, — сказала она, слегка порозовев. — По старой пеннивикской легенде. Давным-давно, в один штормовой сочельник, все рыбацкие лодки были в море, а ветер разбушевался так, что никто уже не верил, что они найдут дорогу домой. Но смотритель маяка поднялся на свою башню и всю ночь не давал огню погаснуть — сквозь ветер, и дождь, и волны, — и утром все лодки до единой вернулись домой целыми и невредимыми.

— А это правда было? — спросила девочка по имени Мира.

— А для этого, — сказала мисс Ларк, — и нужны истории.

— Маяк больше не работает, — сказал мальчик по имени Алфи. — Бабуля говорит, он погас в Большой шторм. Ещё до того, как моя мама родилась. Говорит, с тех пор его никто не зажигал.

На мгновение в классе стало тихо. В окно Джун видела маяк на скалах — серый на сером небе, с тёмной верхушкой,

похожей на пустой глаз.

— Ну что ж, — бодро сказала мисс Ларк, — а в *нашем* спектакле он будет светить! Итак. Роли.

Она написала их на доске. Смотритель маяка. Жена смотрителя. Шесть Рыбаков. Четыре Чайки. Волны (сколько угодно). Скала. И в самом низу — Туман.

— Я буду вытаскивать имена из шапки, — сказала мисс Ларк, подняв огромную вязаную шапку с помпоном, — и кого вытащу, тот и выбирает себе роль. Всё по-честному.

Джун посмотрела на слова в начале списка, и что-то внутри у неё *дзынькнуло*.

Смотритель маяка. Это была лучшая роль. В ней было больше всего слов. Можно было лазить по лестнице и держать настоящий фонарь. В старой школе в Лондоне Джун участвовала в трёх рождественских спектаклях, и во всех трёх она была третьей овечкой. У третьей овечки не было слов. Третья овечка только говорила «бе-е» — одновременно с первой и второй овечкой, так что тебя даже не было слышно.

Ей так хотелось быть Смотрителем маяка, что даже пальцы покалывало.

И тут у неё в кармане очень вежливо кашлянул Шуршик, и она вспомнила.

Утром дверца номер четыре открылась со щелчком, и в записке внутри было написано:

УСТУПИ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ.

Пожалуйста, думала Джун, изо всех сил зажмурившись. *Пожалуйста, только не меня первой. Меня второй, или пятой, или последней. Только не первой.*

Мисс Ларк поворошила в шапке. Вытащила бумажку. Развернула.

— Джун Финч!

Все обернулись на неё. Джун встала. Ноги у неё были как из ниток.

— Давай, Джун, — сказала мисс Ларк. — Какую роль ты хочешь?

Джун посмотрела на доску. Смотритель маяка. Лестница. Настоящий фонарь. Рот у неё сам собой открылся, чтобы это сказать.

И тут краешком глаза она увидела высокого мальчишку из автобуса.

Его звали, как она уже выяснила, Тео Баркер. Он сидел сзади, развалившись на стуле и скрестив руки, будто ему всё это до лампочки. Но смотрел он не на Джун. Он смотрел на доску, на слова СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА, и с лицом у него творилось что-то странное. Так смотрят сквозь витрину на вещь, которой — ты точно знаешь — у тебя не будет никогда-никогда.

— А можно мне уступить свою очередь? — спросила Джун.

Мисс Ларк заморгала. «Уступить?..»

— Кому-нибудь другому. Можно? — Джун сглотнула. — Тео.

В классе стало совсем тихо. Кто-то прошептал: «*Чего?*» Тео Баркер подскочил на стуле, будто его ужалили.

— Ну, — медленно сказала мисс Ларк. — Ну, наверное… это очень великодушно с твоей стороны, Джун. Тео? Похоже, выбираешь ты.

Тео уставился на Джун. Глаза у него были прищуренные и подозрительные.

— Зачем? — сказал он.

— Просто так, — сказала Джун.

Он всё смотрел. Потом снова перевёл взгляд на доску и сказал так тихо, что мисс Ларк пришлось попросить его повторить: «Смотритель маяка».

Когда шапка мисс Ларк снова дошла до Джун, осталась всего одна роль.

— Туман, — прочитала мисс Ларк немного виновато. — Туман — это очень важно, Джун. Из-за него вся история становится *опасной*. Ты наденешь что-нибудь серое, будешь плыть по сцене и говорить… — Она медленно, плавно повела руками. — Уууууу.

— Уууууу, — сказал Алфи за соседним столом, и все засмеялись.

Джун села. Посмотрела на свои руки. Она не заплакала, потому что, если заплачешь перед всем классом на третий

день в новой школе, это будут помнить, пока тебе не стукнет лет сорок.

— Это, — прошептал Шуршик из кармана, — было исполнено превосходно.

— Я *Туман*, — прошептала Джун в ответ.

— Вы Туман, — согласился Шуршик, — который отдал маяк.

После уроков Тео поймал её у вешалок.

— Чего задумала, Серый дом?

— Ничего я не задумала.

— Никто ничего не отдаёт просто так. — Он стоял слишком близко и был гораздо выше её. — Это прикол такой? Будешь ржать, когда я всё завалю?

— Нет!

— Потому что мне твои подачки не нужны, — сказал Тео. — Ясно? Мне ни от кого ничего не нужно.

Он затопал прочь по коридору. Но, пока он уходил, Джун заметила две вещи. Кончики ушей у него стали ярко-красными. И листки с ролью он прижимал к груди обеими руками — так держат то, что у тебя могут отнять.

— Очаровательный мальчик, — сказал Шуршик.

— Он ужасный, — сказала Джун.

Шуршик высунул голову из кармана и посмотрел Тео вслед.

— Он держит свою роль, — сказал он, — так, будто это

последнее печенье на свете.

Утром за дверцей номер четыре оказался крошечный деревянный мальчик с крошечными деревянными листками в руках. Он хмурился.

— Даже *деревянный* сердится, — сказала Джун.

Тут сама собой со щелчком открылась дверца номер пять; Джун развернула записку, прочитала и застонала так громко, что Отто примчался наверх посмотреть, кто ушибся.

ПОДАРИ КОМПЛИМЕНТ ТОМУ, КТО ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ.

Пятая дверца

5 декабря

— Потренируйтесь на мне, — сказал за завтраком Шуршик.

Он сидел на краю миски с хлопьями — очень осторожно, подальше от молока. Мама уже ушла на раннюю смену, так что из взрослых его никто не мог увидеть.

Джун посмотрела на него. «У тебя очень… острые складки».

— Благодарю, — сказал Шуршик. — Мне это известно.

— Так не считается. Ты *любишь*, когда тебе говорят комплименты.

— Комплименты любят все, мадам. В этом, собственно, и весь смысл.

— Скажи, что у него красивые волосы, — предложил Отто.

— У него волосы как куст, который побывал в драке.

— Скажи, что это *красивый* куст.

Она попробовала в автобусе.

Тео сидел на своём обычном месте, развалившись на заднем сиденье и выставив длинные ноги в проход. Джун прошла через весь автобус, остановилась перед ним и сказала:

— Классная шапка.

Тео посмотрел на неё. «Я без шапки».

— Я знаю, — сказала Джун. — Я имела в виду… была бы

классная. Если бы она у тебя была. Голова у тебя была бы классная. В ней.

Она вернулась на своё место и сидела, подложив под себя ладони, пока лицо не перестало гореть.

За обедом она попробовала снова.

— Ты очень высокий, — сказала она ему, держа поднос.

— Спасибо, Туман, — сказал Тео, и мальчишки рядом с ним так хохотали, что у одного горошина попала в нос.

Третий раз был хуже всех.

Это было в раздевалке в конце дня. Все натягивали куртки, шапки и резиновые сапоги, было шумно, а Джун была в отчаянии. День у неё почти кончился. Поэтому она повернулась к Тео, который сдёргивал куртку с крючка, и сказала гораздо громче, чем собиралась:

— Мне нравится твоя куртка!

И вся раздевалка затихла.

Потому что про куртку Тео знали все. Её все видели. Она была ему мала: рукава кончались гораздо выше запястий, на одном локте была большая заплатка другого синего цвета, а молния застёгивалась только до половины. Кто-то за спиной у Джун хихикнул.

Тео побагровел — от шеи до самых волос.

— Думаешь, смешно? — сказал он.

— Нет, я…

— Меня-то хоть *моя* мама не тащила на край света, — сказал Тео, — как твоя тебя. Потому что вас больше нигде не хотели видеть.

Потом он оттолкнул её и вышел на холод.

Джун стояла не шевелясь посреди пустеющей раздевалки. То, что он сказал, — неправда. Мама приехала сюда из-за работы в больнице, и потому что дома здесь дешевле, и потому что, как она говорила, им нужно начать всё с чистого листа. Это была совсем неправда.

Но ощущалось как правда. В этом-то и была беда. Это было точь-в-точь как Список несправедливых вещей — только записанный чужим почерком.

К семи часам вечера с Шуршиком что-то случилось.

Он лежал на подоконнике и был *тонкий*. Не тонкий, как человек, который давно не ел, а тонкий, как бумага, побывавшая под дождём: размякший по краям, выцветший, просвечивающий. Когда Джун поставила за ним лампу, было видно, как свет проходит сквозь его уши.

— Шуршик! Что с тобой?

— Не вполне уверен, — слабым голосом сказал Шуршик. — Думаю… это из-за дверцы.

Джун посмотрела на календарь. Дверца номер пять была открыта, но дрожала — едва-едва, будто на неё давил ветер. Записочка внутри тоже выцвела. Буквы становились серыми.

— А что будет, если я не сделаю? — спросила она. — Если не успею до полуночи?

— Не знаю, — сказал Шуршик. — Но полагаю, мне не хотелось бы это выяснять.

— Но я же *сделала*! Я сказала три комплимента! Шапка, высокий, куртка. Целых три!

Шуршик медленно поднял голову, будто она была очень тяжёлой.

— А вы хоть один из них сказали всерьёз?

Джун открыла рот. Потом снова закрыла.

— В правилах сказано: *и не лгать*, — сказал Шуршик. — Комплимент, который говоришь не всерьёз, — это не подарок, Джун. Это фокус, перевязанный бантиком.

Джун села на пол, прислонилась спиной к кровати и упёрлась подбородком в колени. Только сейчас она поняла, что Шуршик впервые назвал её Джун, а не мадам.

Что-нибудь правдивое, думала она. *Что-нибудь правдивое про Тео Баркера.*

Он грубиян. Он высокий. Он обозвал её девчонкой из Серого дома и Туманом и сказал, что их никто нигде не хотел видеть. Ничего правдивого и хорошего про него не было вообще.

Разве что…

В тот день, ещё до раздевалки, мисс Ларк велела им в первый раз прочитать пьесу по ролям. Все бубнили. Рыбаки хихикали. Чайки читали свои реплики чаячьими голосами, че-

го в тексте вовсе не было. А потом настала очередь Тео, и он встал в конце класса и прочитал главную реплику Смотрителя маяка — ту, что в самом конце:

— Пока горит свет — есть дорога домой.

И весь класс затих. Потому что это было совсем не похоже на мальчишку в куртке не по росту, который читает с листочка. Это звучало так, будто для него это важнее всего на свете.

Джун ему поверила. На одну секунду она поверила каждому его слову.

— Мне надо его найти, — сказала она, вскакивая. — Прямо сейчас.

— На улице темно, — сказал Шуршик. — Тебе девять. Твоя мама внизу.

И в ту же самую секунду мама крикнула снизу: «Джун! У нас кончилось молоко! Кто пойдёт со мной в магазин?»

Шуршик закрыл глаза. «Что ж, — слабо проговорил он. — Иногда мир бывает добрым».

Магазинчик на углу стоял внизу холма, у гавани. Витрина запотела и вся была увешана мишурой, а снаружи, на ступеньке, на холоде, сидели Тео Баркер и маленькая девочка в розовой шапке с помпоном.

Они ждали. Сквозь витрину Джун видела у прилавка высокого усталого мужчину, который отсчитывал монетки с ладони.

Тео увидел Джун, и лицо у него захлопнулось, как дверь.

Мама зашла внутрь. Отто зашёл внутрь. Джун — нет. Она подошла к ступеньке — сердце колотилось, руки в карманах, — и в одном из карманов она чувствовала Шуршика, лёгкого, как листок.

— Чего *тебе* надо? — сказал Тео.

— Ты сегодня очень здорово читал, — сказала Джун. — На читке. Когда сказал ту реплику про свет. — Она набрала воздуху. — Я тебе поверила. Все поверили. Даже Алфи, а Алфи *ничему* не верит.

Тео уставился на неё. Он ждал подвоха. Она видела, как он его ждёт, весь подобравшись, — так ждут, что в тебя вот-вот прилетит снежок.

Подвоха не было.

— …Думаешь? — сказал он наконец.

— Я не думаю, — сказала Джун. — Я *знаю*.

— Он репетирует в ванной! — сказала девочка в шапке с помпоном. — Каждый вечер! А вместо фонаря у него зубная щётка!

— *Руби!*

У Тео снова покраснели уши, но в этот раз как-то по-другому. Он опустил глаза на свои кроссовки.

— Подумаешь, — пробурчал он. Но сказал это не зло.

Тут звякнул колокольчик на двери магазина, и вышел папа Тео с почти пустым пакетом. «Пошли, вы двое», — сказал он усталым голосом. Джун заглянула в запотевшую витрину.

На прилавке, там, где он её оставил, лежала коробка рождественских пирожков. Он положил её обратно.

В ту ночь Джун не спала. Она сидела в кровати с включённой лампой и смотрела.

— Получилось? — прошептала она. — Засчиталось?

— Не знаю, — слабо сказал Шуршик. — Думаю, календарь засчитывает только с ударом колокола.

В десять Шуршик стал таким бледным, что сквозь него можно было разглядеть узор на занавесках. В одиннадцать он перестал разговаривать. Без четверти двенадцать Джун держала его в сложенных ладонях, как держат мотылька, и повторяла: «Пожалуйста. Пожалуйста. Я говорила всерьёз. Правда всерьёз».

Далеко-далеко, за крышами, церковные часы начали бить полночь.

На двенадцатом ударе раздался тихий, уверенный *щелчок*.

Дверца номер пять распахнулась настежь. Записка внутри снова стала чёрной и чёткой. А у Джун в ладонях Шуршик наполнился цветом, как стакан наполняется апельсиновым соком, — до самых кончиков ушей.

Он чихнул.

— Это, — сказал он, — было слишком, *слишком* впритык.

Утром за дверцей номер пять оказался ещё один крошечный деревянный Тео. В этот раз он не хмурился.

С одного боку, если очень-очень приглядеться, уголок рта

у него был приподнят. Совсем чуть-чуть.

Шестая дверца

6 декабря

В субботу утром Пеннивик проснулся белым.

Ночью выпал снег — тихо, как всегда падает снег, когда не хочет никого будить. Крыши стали белыми, и переулок стал белым, а шесть лодок в гавани надели белые шапочки, как сонные старички. Даже у тёмного маяка появилась белая верхушка — как у свечки, которую так ни разу и не зажгли.

Отто увидел всё это из окна на лестничной площадке и завопил так громко, что мама, которая всю неделю мечтала в субботу поспать подольше, накрыла голову подушкой.

Наверху, на чердаке, открылась дверца номер шесть. В записке было написано:

ПОДАРИ ПЕСНЮ.

— О нет, — сказала Джун.

— А чем плоха песня? — сказал Шуршик. — Песни — это прелесть.

— Я не умею петь.

— Петь умеют все.

— Папа говорит, что я пою, как чайка с больным горлом. — Она чуть улыбнулась, вспомнив. Папа всегда говорил это ласково, а потом нарочно пел ещё хуже, пока она не начинала смеяться. — Не могу я, Шуршик. Честно.

— А *я* умею петь, — сказал Отто, который появился в дверях в резиновых сапогах, пижаме и шапке. — Я знаю одну рождественскую. Я знаю *все* слова.

Джун сильно в этом сомневалась. Но это было лучше, чем ничего.

— Ладно, — сказала она. — Споём кому-нибудь. Только кому?

— Песни, — сказал Шуршик, — лучше всего дарить тому, кому их больше некому спеть.

Они стояли у круглого окна и смотрели вниз, на Чаячий переулок.

Все дома в переулке уже начали готовиться к Рождеству. На двери у миссис Покет висел венок с красным бантом размером с кошку. На доме номер три мигали огоньки в виде северного оленя, и нос у оленя загорался и гас, загорался и гас. Перед домом номер четыре уже стоял снеговик в шарфе и с морковкой вместо носа.

В доме номер два не было ничего.

Занавески там по-прежнему были плотно задёрнуты. Ни венка, ни огоньков. Дорожку никто не расчистил, и снег лежал толстым ровным слоем до самой входной двери, будто там уже много лет никто не ходил.

— Ей, — сказала Джун.

— *Ей?* — переспросил Отто, и глаза у него стали круглыми. — Ведьме?

— Она не ведьма, — сказала Джун, хотя сама не была в этом уверена. — Она просто тётенька.

Когда в одиннадцать к ним заглянула миссис Покет с же-

стянкой рождественских пирожков, Джун у неё спросила.

— Эдит Торн? — Миссис Покет устроилась на кухонном стуле. — Ох, Эдит живёт в Чаячьем переулке дольше, чем тут стоят фонари. Держится особняком. — Она посмотрела на жестянку и взяла пирожок, словно он ей вдруг срочно понадобился. — По-моему, к ней уже много лет никто не заходил, милая. Не принимай близко к сердцу, если она укусит.

— Она *кусается*? — спросил Отто.

— Только словами, — сказала миссис Покет. А потом тихо, больше самой себе: «Бедная старушка».

Они пошли под вечер, когда свет становился синим.

Джун надела куртку, шарф и перчатки. Отто — зимний комбинезон и шапку-динозавра. Шуршик ехал в капюшоне Джун и выглядывал у неё из-за плеча.

— Я хочу *слышать*, — сказал он. — И если при мне хоть кто-нибудь *заикнётся* о снеге, я немедленно удаляюсь.

Они побрели по сугробам к дому номер два. Снег был Отто выше колен. Звонка не было, только старый чугунный дверной молоток в виде корабельного якоря. Джун постучала. Никто не вышел.

Она постучала ещё раз. Ничего. Но где-то в доме взвыл кот.

— Так, — прошептала Джун. — На счёт три. Раз, два…

Отто не стал ждать «три». Он запрокинул голову и запел во всё горло:

— МЫ ЖЕЛАЕМ ВАМ ВЕСЁЛОГО ДИНОЗАВРА, МЫ ЖЕЛАЕМ ВАМ ВЕСЁЛОГО ДИНОЗАВРА…

— Рождества! — прошипела Джун. *— Рождества*, Отто!

— …И СЧАСТЛИВОГО НОВОГО РЕКСА!

Тогда Джун тоже запела. Она пела, как чайка с больным горлом. Пела правильные слова, всё громче и громче, чтобы заглушить неправильные слова Отто, а Отто пел свои неправильные всё громче и громче, чтобы заглушить её, и вместе получался такой шум, будто целый хор кубарем катится с лестницы.

Наверху с грохотом распахнулось окно.

Оттуда высунулась женщина. Она была худая и старая, с белыми волосами, стянутыми так туго, что они казались нарисованными, а лицо у неё было как дверь, запертая на замок и на засов. Рядом с ней на подоконнике сидел самый большой рыжий кот, какого Джун только видела. Он был похож на тыкву, которая решила стать львом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.